

КОМПАРАТИВИСТИКА

УДК 82.091

DOI: 10.17223/24099554/16/1

А.В. Богомолова

«МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА» И КОММУНИКАЦИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ, ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

Рассматриваются коммуникативные аспекты идеи «мировой литературы». Зарождение идеи в эпоху Гете, работы Маркса и Энгельса и проблематика капиталистической культурной экспансии, советский проект «мировой литературы», современные теории в условиях глобализации – четыре значимых эпизода в истории идеи, анализ которых позволяет проследить трансформацию представлений о литературной коммуникации от идеала космополитического содружества наций до теории «непереводимости» и критики культурной глобализации.

Ключевые слова: идея «мировой литературы», компаративистика, литературная коммуникация, культурная экспансия, советский проект «мировой литературы», культурная глобализация.

Понятие «мировая литература» обрело популярность после эпохи И. Гете и постепенно стало входить в культурный дискурс большинства стран Европы и за ее пределами. В начале XX в. оно активно использовалось в книгоиздании, гуманитарной науке, сфере образования, названиях курсов и университетских кафедр, заголовках монографий, учебников, хрестоматий и сборников в Европе, США и Советском Союзе. Уже во второй половине XX в. ситуация начала постепенно меняться. Теоретики постколониализма выступили с критикой сложившегося западного канона. Как следствие возрос интерес к неевропейской литературе, а географический охват текстов под эгидой «мировой литературы» значительно расширился. В связи со сдвигом в гуманитарном знании в сторону исследования силовых отношений внутри сложившегося европоцентричного культурного нарратива релевантность старого понятия «мировая литература»

применительно к актуальной ситуации была поставлена под сомнение.

Научные дискуссии о понятии «мировая литература» разгорелись в самом начале XXI в. Поводом для споров послужил практически синхронный выход двух работ: монографии французского литературного критика П. Казанова «Мировая республика литературы» [1] и статьи социолога литературы Ф. Моретти «Гипотезы о мировой литературе» [2]. Моретти писал: «Выбор словосочетания “мировая литература” в то время имел полемический оттенок. Кроме того, он был сомнительным: я помню, что в качестве одного из вариантов рассматривал заглавие “Мировая литература?” – с вопросительным знаком в конце, свидетельствующим о моей неуверенности в термине, который, казалось, вышел из употребления. “Мировая республика литературы” Паскаль Казановы, которая готовилась к публикации, когда я писал “Гипотезы”, помогла изменить ситуацию, однако в то время настроения у всех были как минимум скептические (мои коллеги из Колумбийского университета, например, отказались использовать словосочетание “мировая литература” в названии новой кафедры)» [2. С. 25]. Две эти работы стали теоретическим вызовом существующим научным парадигмам изучения литературы. Основной фокус исследований состоял в анализе литературных рынков и моделей производства, потребления и циркуляции «мировой литературы». Несмотря на различия в методах Моретти и Казанова, оба исследователя по-новому воскресили идею, утвердив ее релевантность для описания литературного поля.

В течение последующих двух десятилетий вокруг идеи «мировой литературы» развернулись острые дебаты, продолжающиеся до сих пор. В рамках этих дебатов «мировая литература» перешла в ранг теоретической проблемы, находящейся на пересечении сразу нескольких направлений: в области культурологии и компаративных исследований литературы, исследований литературных канонов, а также в рамках постколониальной теории и исследований глобализации в культуре. Ряд западных ученых, таких как Д. Пизер, Д. Дэмрош, Э. Аптер, Г. Спивак и другие, выдвинули свой теоретический взгляд на проблему «мировой литературы» [3]. Ключевые направления исследований касаются содержания понятия, его эволюции как концепции в культуре прошлого и в настоящем.

В статье мы рассмотрим идею «мировой литературы» в исторической перспективе вплоть до современной западной критики. Основной фокус исследования состоит в изучении одного из аспектов «мировой литературы» – коммуникации, а именно каким образом осмыслялась проблема литературной коммуникации и как менялись представления приверженцев идеи об устройстве мировой системы литературной коммуникации в XIX–XXI вв. Само понятие «мировая литература» возникло на фоне изменений в том, каким образом осуществлялась литературная коммуникация, а также в контексте трансформации читательских практик и институционализации литературы. На всех этапах развития и реализации идеи характер коммуникации между писателями, читателями, интенсивность и география переводческих практик определяли контуры «мировой литературы». Из большой истории идеи мы проанализируем четыре значимых эпизода с точки зрения изменений коммуникативной среды: зарождение буржуазной культуры и взгляды Гете на «мировую литературу», возникновение материалистической теории К. Маркса и Ф. Энгельса и представлений о капиталистической культурной экспансии, советский проект «мировой литературы» и его реализация, а также современные теории «мировой литературы» в условиях глобализации.

Гетевская парадигма «мировой литературы»

История идеи «мировой литературы» берет начало в XIX в. и связана с Гете. Однако у писателя были и предшественники. Изобретение неологизма *Weltliteratur* принадлежит веймарскому классику К. Виланду [4. Р. 1], который употребил это слово в комментарии к переводу Горация. Основой понятия стали положения работ немецкого культуролога Г. Гердера по исследованию культур народов мира. Труды Гердера подготовили теоретическую базу для представления о единстве национальных литератур. Первым концептуально ввел понятие «мировая литература» историк эпохи Просвещения А. Шлецер в своей работе по исландской литературе и истории в 1773 г. [5. С. 144]. Труды Шлецера и Гердера, вводившие новые малоизученные тексты, подчеркивали их значимость на фоне других национальных литератур. В отличие от Гердера Шлецер не интере-

совал как таковой диалог между культурами и литературами отдельных наций.

Внимание Гете к литературам других стран было обусловлено практикой культурного взаимообмена, за налаживание которой выступал писатель: «Еще хорошо, что теперь, когда установилось тесное общение между французами, англичанами и немцами, нам удастся друг друга поправлять и направлять. Это великая польза мировой литературы, которая со временем будет все очевиднее» [6. С. 264]. Тогда же Гете высказался о переводах сербской поэзии, что отражает зарождающийся интерес к литературе иных культур и языков вне европейского контекста и вне зависимости от того, были ли эти тексты общепризнанными «шедеврами» и обладали ли к тому моменту явными связями с принимающей культурой. Также в разговорах с Эккерманом он, рассуждая о состоянии литературы и критики у немцев, рассматривал установившееся расширение культурного диалога и как мощный стимул к развитию творческого, эстетического и критического потенциала каждой отдельной нации. Интерес же самого Гете к азиатской литературе, его поэтический цикл «Западный восток», состоящий в воображаемом диалоге с персидским поэтом Ш. Хафизом, свидетельствует о его трансъевропейском космополитизме. Д. Пизер отмечает, что такое глобальное литературное сознание было относительно редким в 1820-х гг. [7. Р. 6]. Космополитизму и широте взглядов Гете и людей его поколения способствовало развитие книжной культуры. Историки чтения рассматривают вторую половину XVIII в. в европейской истории как время перехода от «интенсивного» чтения – перечитывания и выучивания наизусть ограниченного круга текстов, чаще религиозного характера – к чтению «экстенсивному» [8. С. 360–361]. В Англии, Германии и Франции на фоне роста грамотности и появления новых групп читателей – женщин, детей и рабочих – происходило развитие книгоиздания, выпускались книги малого формата, что позволяло снижать их стоимость, а также увеличилось число наименований и тиражи периодических изданий.

В первой половине XIX в. старая модель чтения трансформировалась как количественно, так и качественно, постепенно перерастая в современную модель экстенсивного чтения светских актуальных текстов. Двигателем перемен в читательских практиках на первых

порах стала «просвещенная буржуазия», включавшая широко эрудированную и образованную часть населения, численность которой возрастала благодаря укреплению средней и мелкой буржуазии. В первой половине XIX в. немецкая аудитория становится все более обширной и разнородной. Новые практики позволяли включать те слои населения, которые финансово не могли позволить себе личные библиотеки. Популярность набирали новые читательские сообщества – читательские клубы, салоны и центры – народные библиотеки, способствовавшие эмансипации и приобщению к литературе на коллективной основе. Буржуазная культура с присущей ей тягой к интеллектуальной коммуникации, независимости, крайнему индивидуализму и расширению кругозора за счет печатного слова созвучны с чаяниями Гете о распространении «мировой литературы». Вскоре «читательская лихорадка» охватила всю Европу [8. С. 40]. Тексты в переводах стали выходить с меньшим временным промежутком на европейских языках, английском, французском, немецком. Взгляд Гете на литературный процесс также связан с усилением переводческой деятельности и развитием коммуникаций между писателями и читателями в период подъема буржуазной культуры. Видение «мировой литературы» как пространства диалога и области коммуникации сходно с представлением буржуазии о словесности. Прием и передача литературных текстов виделись Гете «высшей силой». Двум этим процессам способствовал и сам писатель посредством своей журналистской работы. Упрекая своих немецкоговорящих коллег, Гете писал: «Однако мы, немцы, боясь высунуть нос за пределы того, что нас окружает, неизбежно впадаем в такую педантическую спесь. Поэтому я охотно вглядываюсь в то, что имеется у других наций, и рекомендую каждому делать то же самое» [6. С. 219]. Таким образом, для Гете «мировая литература», как явление, состояла из процесса ретрансляции литературы, писательской коммуникации, поддерживаемой за счет переводческой, журналистской и критической работы.

Большинство ученых отмечают расплывчатость и «неуловимость» гетевской концепции. И действительно, писатель порядка двадцати одного раза обращался к словосочетанию в разговорах, записанных его учеником Эккерманом, в дневниках, письмах и статьях в журнале «Art and Antiquity» в период с 1827–1831 гг. [9. Р. 4–5]. Но

ни одно из высказываний писателя не содержало определения понятия. Однако на основе их анализа и изучения культурного контекста можно выявить ряд концептуальных черт идеи. В первую очередь Гете мыслил «мировую литературу» как сложившийся корпус классических текстов. Под классикой понимались не только тексты греческой и римской литератур. Слова «классика» и «классический» имели дополнительные коннотации в тот период. В диалогах с Эккерманом Гете рассуждал о понятиях «классика» и «романтика»: «Классическое я называю здоровым, а романтическое больным. И с этой точки зрения, “Нибелунги” такая же классика, как Гомер, тут и там здоровье и ясный разум» [6. С. 295]. Черты классического Гете видел в «объективности» в противовес субъективизму романтической поэзии и прозы. О собственных произведениях Гете рассуждал в той же логике. О «Вальпургиевой ночи» писатель говорил: «... я стремился, в согласии с духом античности, всему придать определенность очертаний, избегая смутного, расплывчатого, – словом, присущего романтическому стилю» [6. С. 354]. Объективность, разумность, которую Гете понимал вслед за немецкими идеалистами как постижение целостности явлений, и ясность были чертами классического. О современной литературе Гете высказывался в тех же категориях: «Большинство новейших произведений романтично не потому, что они новы, а потому, что слабы, хилы и болезненны, древнее же классично не потому, что старо, а потому, что оно сильно, свежо, радостно и здорово» [6. С. 295]. Ф. Шиллер, друг Гете, отмечал, что в гетевском произведении «Ифигения в Тавриде» преобладает романтическая чувствительность, которая не позволяет считать трагедию «классической в античном понимании этого слова» [6. С. 354–355]. Таким образом, во времена Гете к классике относили и современные тексты, которые «классичны» не по времени создания, а по характеристикам эстетического плана. Сам Гете относил к числу шедевров как свои собственные произведения, так и тексты современников. Такое отношение современности и классики стало характерно именно для первой половины XIX столетия. Сложившийся в этот период литературный демократизм способствовал тому, что и в исследовательском поле наблюдалось все большее внимание к актуальной литературе наравне с существующим классическим каноном.

Первоначально многие размышления Гете о «мировой литературе» даны в сослагательном наклонении, сама идея была «отлита в виде мысленного эксперимента, который ощупью тянется и едва мелькает в будущем» [10. Р. 9]. Наступление эпохи «мировой литературы» не являлось искусственной заменой множеству национальных литератур, а скорее выражало подчеркнутый интерес и внимание к рассвету европейских и неевропейских литератур самих по себе и их возрастающей доступности в переводах, которые писатель рассматривал как два аспекта одного и того же процесса. Явление «мировой литературы» включало всеобщий канон античных текстов наравне с литературой поздних эпох вплоть до времени Гете. Установление тесной взаимосвязи наций и эпох посредством литературы, космополитическое содружество писателей и тесная творческая коммуникация между ними были источником интернационализации литературы и ее единства.

«Мировая литература» в ранних работах К. Маркса и Ф. Энгельса

«Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [11. Т. 4. С. 428], – писали Маркс и Энгельс спустя двадцать лет после смерти Гете. Изложение материалистического понимания истории в «Манифесте коммунистической партии» в первую очередь охватывало вопросы политической экономии и социалистической истории, но также касалось и культуры. По мысли Маркса и Энгельса, ключевые идеи каждого периода истории – идеи господствующего класса. Само понятие «мировая литература» к середине XIX в. уже стало неотъемлемой частью немецкого дискурса, а также являлось идеей господствующего класса – буржуазии. Сформировавшаяся к середине века система капиталистических отношений способствовала усилению взаимосвязи и взаимозависимости наций: «Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием» [11. Т. 4. С. 428]. Поэтому когда Маркс и Энгельс утверждают, что буржуазия «путем эксплуатации всемирного

рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим» [11. Т. 4. С. 427], речь также идет о литературе как части духовного производства. Но если Гете видел пользу в культурном взаимообмене, то в манифесте нет критической оценки «мировой литературы», а рассматривается она как объективно сложившееся явление.

По мысли Маркса, космополитизм, как характерная черта и следствие развития капиталистических отношений и мирового рынка, фактически являлся результатом влияния капиталистической глобализации на производство и потребление. Для Виланда, Гердера, Канта, а позже Шиллера и Гете космополитизм был связан с идеалом общности всего человечества, берущего истоки еще в Античности. Сторонники идеала космополитизма полагали, что стирание национальных границ – одна из ступеней на пути к гуманистическому мироустройству. Для Маркса и Энгельса космополитизм не был ни целью, ни идеалом, а являлся данностью экономического устройства. XIX век – век национализма в Европе, который включал в свою систему ценностей идеи единства национального языка, уникальной национальной культуры и литературы, отражавшей характер самой нации. В теории Маркса и Энгельса космополитизм, как и патриотизм и защита национальных интересов, должны были уступить место пролетарскому интернационализму. То есть международная коммуникация, которая выстраивалась в мире путем глобализации экономики и средств производства, в материалистическом фокусе истории не была благом. Маркс и Энгельс, рассуждая об объединяющей силе капитала, считали создание такой мировой экономической взаимозависимости наций скорее принуждением господствующего класса буржуазии, направленным против интересов всех наций. Они связывали создание «мировой литературы» не с добровольной деятельностью просвещенной буржуазии и аристократии, которую имел в виду Гете, но с процессом, в рамках которого способы культурного обмена определялись моделями политической экономии. Безусловно, с ростом развития средств торговли и коммуникации в мировом масштабе распространение литературных текстов через национальные границы становилось все более оживленным с каждым десятилетием. Но география мира, о которой пишут Маркс и Энгельс, употребляя понятия «мировой рынок» и «мировая литература», сводилась к небольшому числу европейских стран преимуще-

ственно западной Европы – Германии, Англии, Франции, Италии – и включала некоторые американские штаты, оставив за бортом страны докапиталистического устройства и страны третьего мира [12. Р. 5–6]. В этом аспекте «мировая литература» в манифесте скорее меньше по географическому охвату, нежели описывал Гете.

Времени выхода «Манифеста» соответствуют новые реалии книжного рынка. В этот период произошла индустриализация литературного труда. Для большинства европейских стран к середине XIX в. была характерна профессионализация этой области экономики. Укрепился статус писателя как профессии, которая сделала «богатыми таких авторов, как Сю, Теккерея и Тrollop» [8. С. 400–401]. Отношения между автором и читателем также претерпели изменения. Читатели стали ассоциироваться с источником дохода. Середина XIX в. – время, когда в большинстве европейских стран в крупных городах журналистский и писательский труд профессионализировался и являлся полноценным способом заработка. Сам Маркс в прошении поселиться в Берлине от 1861 г. писал: «В течение последних двенадцати лет я проживал в Англии, существовал там на заработок от литературного труда и не пользовался пособием из общественных фондов для бедных» [11. Т. 15. С. 661]. Впоследствии труды Маркса и Энгельса стали бестселлерами. В 1872 г. во Франции «Капитал» Маркса публиковался в еженедельниках частями с целью увеличения экономической выгоды для издателей. Книга расходилась тысячными тиражами, переводилась на европейские языки и многократно переиздавалась впоследствии.

В «Манифесте», используя гетевскую идею в описании экономической экспансии, Маркс и Энгельс рассматривали литературу как отражение социальных явлений и экономического порядка, а также как сферу духовного производства, которая являлась объектом капиталистических отношений и была зависима от экономической системы и социальной действительности. Таким образом, коммуникативный аспект «мировой литературы» не рассматривался как позитивное явление и как фактор общего развития культуры.

Советский проект «мировой литературы»

Уже после революции идея Гете, актуализированная Марксом и Энгельсом, стала частью советского культурного проекта. Если на

первых порах становления нового режима вопрос наследия буржуазной культуры и отношения к нему новой советской культуры был спорным, то уже после революции позиция большинства идеологов государства состояла в том, что новая культура должна базироваться на наиболее прогрессивных достижениях буржуазного общества. Ленин в проекте резолюции Пролеткульта 1920 г. отмечал, что «марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» [13. С. 336–337], благодаря чему обрел всемирно-историческое значение.

В рамках проекта построения новой советской культуры идея «мировой литературы» обрела не только новые концептуальные рамки, но и конкретные способы реализации. Уже в 1917 г. Луначарский, возглавивший Народный комиссариат просвещения, в ведении которого была вся культурно-гуманитарная сфера, приступил к работе в области литературы, в частности книгоиздания, прямо связанного с идеей «мировой литературы». Выпуском классики русской литературы занимался Литературно-издательский отдел при Наркомпросе, а зарубежную литературу при активном содействии В. Ленина и А. Луначарского взял на себя М. Горький, организовав издательство «Всемирная литература». Горький разделял взгляды Гердера и Гете на литературу как единый процесс во всем мире, в том числе рассматривая «мировую литературу» в качестве корпуса текстов прошлого. «Всемирная литература» запланировала издание зарубежной литературы XVIII–XX вв. в двух сериях: основной и народной библиотеки. Географический охват в издательских планах и каталогах был беспрецедентно широк и не имел на тот момент аналогов в мире. Редакцией было намечено издание литератур Англии, Америки, Австрии, Германии, скандинавских стран, Голландии, Швейцарии, Франции, Италии, Испании, Португалии, Бельгии и Латинской Америки. После закрытия «Всемирной литературы» в 1924 г. задачу реализации идеи «мировой литературы» через издание систематической библиотеки продолжило издательство «Academia». Хронологический и географический охват был значительно расширен. Издательский портфель включал античную литературу, фольклор и выпуск двухтомника «Литература Востока». Л. Каменев, глава

издательства «Academia» с 1932 г., писал: «Мировая художественная литература в своих лучших произведениях – сокровищница, в которой человечество в ходе классовой борьбы накопило громадные ценности. Овладеть этой сокровищницей, критически переработать ее содержание, сделать доступным строителям социалистического общества <...> такова задача “Academia”» [14. С. 2].

Советский проект по изданию «мировой литературы» фактически поддерживал культурный диалог. Ключевое отличие предыдущих практик XIX в. состояло в том, что культурная коммуникация осуществлялась сверху. Литература сама по себе имела утилитарную функцию и рассматривалась как инструмент борьбы, главным образом идеологической. Переводческая работа в мелких и крупных советских издательствах также являлась частью проекта «мировой литературы». Многие произведения переводились впервые, а подавляющее большинство переводилось заново для советского читателя и адаптировалось через идеологическое обрамление посредством предисловий и комментариев, написанных в ключе марксистской критики. Таким образом, проект по созданию советского канона «мировой литературы» соединял тезис Гете о необходимости оглядываться на литературное прошлое и настоящее других наций с ориентацией на задачи политического характера, с просвещением «народных масс» и пропагандой марксистского взгляда на культуру.

Идея просвещения и воспитания посредством литературы осуществлялась сразу по двум направлениям – в отношении читателей и в отношении писателей. Стимулом к развитию новой социалистической литературы должна была послужить учеба в том числе у классиков «мировой литературы». Старая буржуазная «мировая литература» по-прежнему являлась значимой с точки зрения эстетической. Писательская творческая коммуникация была направлена не только в прошлое, но и являлась одним из ключевых аспектов в 1920–1930 гг. в рамках внешней культурной политики. Связи с западными писателями социалистических взглядов являлись инструментом культурной дипломатии. Современные советские писатели переводились преимущественно на европейские языки, а зарубежные левые писатели активно печатались в советской периодике, в журнале «Вестник иностранной литературы» (позже переименованный в «Литературу мировой революции», а затем – «Интернациональную

литературу»). На Первом Всесоюзном съезде советских писателей К. Радек рассуждал о том, что мировая буржуазия потеряла монополию в мировой литературе. Современная литература капиталистических стран не отвечает запросам современности, «ибо во всех странах начала возникать пролетарская литература» [15. С. 302]. Социалистическая и в частности советская литература должны были стать «новой мировой литературой». Создание и развитие этой новой литературы, служившей инструментом борьбы и пропаганды социалистических идей за рубежом, связывались с задачей завоевания СССР культурной гегемонии в мире.

Революция стала толчком для значительных изменений в читательской среде, что было обусловлено прежде всего широкомасштабной кампанией по ликвидации неграмотности. В 1919 г. Совнарком принял указ, согласно которому все население в возрасте от 8 до 50 лет должно было научиться читать и писать на родном или русском языке. В результате примерно 4–5 миллионов человек научились читать и писать между 1918–1921 гг. [16. Р. 16]. Кроме того, были приняты меры для обеспечения доступности книг для рабочих и крестьян: публичные библиотеки были национализированы, а новые издания бесплатно распространялись среди библиотек в 1920–1921 гг. Претерпела значительные изменения и социальная структура читателей: возросла доля рабочих и крестьян. Луначарский и другие советские идеологи стремились окультурить население через воспитание потребности в постоянном чтении. Такая вертикаль влияния государства на читателя радикально преобразовывала и отношения между писателем и читателем. Сталинское выражение о писателе как об «инженере человеческих душ» подчеркивает именно эту обращенность на реципиента и новую советскую аудиторию.

Как уже можно заметить из истории культуры послереволюционных лет, советский проект «мировой литературы» воплотил просветительские и дидактические намерения в отношении советских граждан, претензию на создание общезначимого круга переводных текстов под эгидой «мировой литературы», апроприацию их в свете идеологических установок через книгоиздание. Сам старт для диалога между культурами в рамках концепции «мировой литературы» задавался государством. Гетевская концепция «мировой литерату-

ры», базирующаяся на идее развития литературных связей и культурной коммуникации между различными нациями, в лице Советского государства обрела довольно специфическую почву. С одной стороны, открытость, космополитизм на первых порах были частью советской идеологии, что отвечало взглядам Гете. В рамках проекта «мировой литературы» происходило взаимообогащение с культурой Запада, пусть и в политически ангажированном ключе. Однако расширение культурного диалога было подчинено задачам политического характера и применялось в борьбе за мировое признание и обеспечение лояльности как внутри страны, так и на мировой арене, вследствие чего сами связи и их качество были ограничены идеологией.

Современные дискуссии о «мировой литературе»

В XXI в. космополитическая и гуманистическая идея Гете утратила свой идеалистический ореол в условиях глобализации. Едва ли представимы сегодня проекты государственного масштаба по реализации этой концепции. Тем не менее именно «мировая литература» в последние годы находится в центре современной, по преимуществу западной литературной теории. Понятие «мировая литература» как феномен и как предмет академического дискурса сегодня сосуществуют в культурном и академическом полях. С одной стороны, «мировая литература» – явление глобализации и следствие развития мирового рынка, как утверждал Маркс, спровоцированное интенсивным чтением, переводом, циркуляцией текстов и транснациональным влиянием литератур отдельных государств друг на друга. С другой стороны, «мировая литература» стала теоретической проблемой академического поля в связи с тем, что первоначально заданная парадигма Гете, ориентированная на взаимосвязь и коммуникацию в сфере литературного творчества и культурного взаимообмена наций, в условиях глобализации встретила противодействие и критику со стороны ряда представителей сравнительного литературоведения.

К настоящему моменту «мировая литература» в самом общем смысле понималась как канон литературных шедевров, наиболее значительных и влиятельных текстов прошлого. Такой взгляд на литературу подвергался критике со стороны ряда ученых в первую

очередь за европоцентризм, литературный, культурный и политический. В связи с явной ориентацией на западную литературу против концепции выступают критики наследия колониализма, доказывая, что существующий канон «мировой литературы» фиксирует периферийный статус неевропейских национальных литератур и продолжает воспроизводить тем самым дискриминирующие представления о культуре ряда стран. Ответом на такого рода критику стал другой значимый подход, рассматривающий «мировую литературу» как сумму всех национальных литератур мира. Однако столь широкое толкование вызывало сомнения в академической среде, так как остро ставило вопрос методологии. При самом грубом приближении в актуальном исследовательском поле можно выделить противников и сторонников концепции. Сторонники идеи «мировой литературы» утверждают продуктивность концепции для описания и изучения литературы, однако подчеркивают необходимость по-новому актуализировать понятие в условиях глобализации.

Подходы, выдвинутые по большей части американскими учеными, Дэвидом Дэброшем и его коллегами, стремятся разрушить старый канон, ориентированный на англоязычные и западноевропейские литературы, и реализуют проект «мировой литературы», делая акцент на включении малых западных литератур, восточных и азиатских. В свете педагогического прагматизма, которым руководствуются американские компаративисты, перевод рассматривается в качестве посредника для трансляции более сбалансированного канона, что неизбежно приводит к усилению зависимости от английского языка дисциплины в целом. Во многом основываясь на парадигме Гете, Дэброш предлагает включать в «мировую литературу» все литературные произведения, которые получили «распространение за пределами их культуры происхождения либо в переводе, либо на родном языке» [17. Р. 4]. Важным условием встроенности в мировой процесс становится «активное присутствие» текста в литературной системе. Циркуляция, чтение и перевод – вот процессы, которые позволяют текстам входить в круг «мировой литературы». Поэтому Дэброш предлагает рассматривать «мировую литературу» как способ обращения и чтения литературы.

Одним из крупных проектов в этой области стал выпуск целой серии изданий «Longman Anthology of World Literature» [18]. Основ-

ная концепция изданий состоит в том, чтобы представить не просто модернизированный канон, но отобрать и сгруппировать произведения как классические, так и забытые и вновь открытые, чтобы отразить диалогическую связь между каноническими и неканоническими текстами, эпохами и регионами. Дэрош и его коллеги создали серию книг «Literatures as World Literature», в которых предпринимается попытка представить литературу отдельной страны (например, «German literature as world literature»), творчество одного автора (например, «Roberto Bolaño as World Literature») или конкретный жанр («Crime Fiction as World Literature») в глобальной перспективе через анализ специфических лингвистических, национальных, формальных и тематических аспектов. Общими же целями проектов являются: заполнение исследовательских лакун, введение малоизученных авторов и произведений, переосмысление истории целых национальных литератур в глобальном контексте, а также расширение поля «мировой литературы».

На сегодняшний день проект западных литературоведов фактически связан с американской моделью университета и преподаванием литературы в рамках англоязычных программ в мире и направлен в большей степени на студенческую читательскую аудиторию с учетом влияния американской системы образования за пределами США: в Европе, Ливане, Турции, Китае, Египте, Нигерии и др. Тем не менее реальная коммуникация вне университета через перевод новых текстов находится вне фокуса американских компаративистов.

Описанный американский проект «мировой литературы» вызывает обеспокоенность внутри научного сообщества, так как, лишь фрагментарно решая проблему старого канона, вступает в противоречие с академической исследовательской традицией изучения литературных текстов на языке оригинала. Скептицизм в связи с глобальной англоязычной педагогикой можно распространить до непосредственно исследовательской составляющей. Этот скепсис распространяется не только на педагогические принципы, но и ставит под сомнение объективность литературоведческих исследований, поскольку не только модель выборки текстов является преимущественно западной и определяется в рамках европейских и американских традиций теории литературы, но и дальнейшая жанровая клас-

сификация, трактовка и интерпретация текстов задействует методологию, устоявшуюся в западной гуманитарной науке. К настоящему моменту сложился круг ученых, выступающих против концепции «мировой литературы», в том числе настроенных скептически относительно проектов Дэроша. Э. Аптер и Г. Спивак являются последовательными критиками гегемонии английского языка, которая характерна как для изучения и преподавания «мировой литературы», так и для издательских проектов последних десятилетий. Аптер, профессор французской и сравнительной литературы, посвятила ряд работ проблемам перевода, в частности монографий «The translation zone: A new comparative literature» и «Against World Literature: On the Politics of Untranslatability». Рассматривая перевод как критически важную форму, исследовательница высказывает озабоченность тем фактом, что подавляющее большинство работ в области «мировой литературы» воспринимает перевод исключительно как практику, содействующую диалогу между языками, культурами, временами и дисциплинами, закрывая глаза на опыты неудачного перевода и проблемы непереводимости. Именно концепция непереводимости, которая включает в себя не просто технические, лингвистические и стилистические аспекты перевода, а глубинную диалектику переводимости / непереводимости на политическом и философском уровнях. Разговор о переводе как научной проблеме, которая состоит в понимании существенных различий в мышлении, обусловленных языком и культурой, позволяет создать продуктивную напряженность между переводимостью и непереводимостью, космополитизмом и локальным знанием. Она могла бы оживить поле «мировой литературы» и вывести его из зоны комфорта английского и доминирующих европейских языков. В частности, отталкиваясь от опыта издания «Vocabulaire européen des philosophies» Барбары Кассен и собственной редакторской работы над этим же изданием на французском, ученая рассматривает его в качестве прецедента для активации непереводимости как предмета для целого академического проекта. Концепция непереводимости не подразумевает отказ от перевода и не утверждает невозможность перевести те или иные понятия. Скорее, речь идет о случаях, когда перевод настолько проблематичен, что требует либо придания нового смысла существующему слову, либо введения неологизма. Кассен считала непереводимость

признаком «того, что при переходе от одного языка к другому (или с одного на другой) ни слова, ни понятийные сети не перекрывают друг друга полностью» [19. С. 16]. Именно из указанной неэквивалентности перевода оригиналу возникает подчеркнутый лингвистический плюрализм. Но он давно упоминался Кассен, а вслед за ней Аптер в своем подходе к переводу.

Такой взгляд создает по меньшей мере конфликтные отношения с актуальной парадигмой «мировой литературы», вступая в жесткое противоречие по целому ряду принципиальных вопросов. Традиционно сравнительный подход в литературоведении подразумевает изучение текстов на языке оригинала, а учебные программы для студентов-компаративистов предусматривают владение сразу несколькими языками. Таким образом, в основе компаративистики лежит представление о том, что чтение в переводе не заменяет и не может заменить внимательного прочтения оригинальных текстов. Ситуация, характерная для 1990-х гг., в особенности в Соединенных Штатах, когда в университетах начали активно практиковаться общие курсы по «мировой литературе» в переводах, отражавшие эклектичную широту представленных культур и эпох, на годы задала вектор в области преподавания литературы. В последние десятилетия можно наблюдать выпуск англоязычных сборников и антологий по «мировой литературе» для исследовательских и образовательных целей. Так, например, «The Routledge Companion to World Literature» и другие проекты Дэмроша, транслирующие глобальный взгляд на политику издания «мировой литературы», посредством перевода представляют широкий круг ученых и писателей. Аптер усматривает в подобных масштабных начинаниях тенденцию к антологизации «мировой литературы».

Стоит отдать должное авторам и составителям изданий, которые, безусловно, содействуют расширению канона и уходу от провинциальности. Однако теоретики постколониализма и многие компаративисты подвергли критике сложившиеся практики перевода за господство в нем английского языка. Во-первых, этот процесс экзотизировал другие культуры, а во-вторых, он создавал ложное представление об эквивалентности между ними, фетишизируя различия, отмеченные национальной спецификой. Критики глобализма вовсе рассматривали издательские проекты по «мировой литературе» как

коммодификацию литературы через создание удобного и легко усваиваемого канона, продвигаемого англоязычными институциями с целью притока студентов. Так или иначе можно прогнозировать тенденцию к сдерживанию изучения нескольких языков в пользу доступного и универсального английского языка.

Проект «мировой литературы» с учетом всего многообразия педагогических, издательских и исследовательских подходов и практик не способен выдерживать антикапиталистическую критику во многом потому, что недостаточно отрефлексированный статус перевода позволяет расценивать его как форму собственности. Автор перевода является «естественным дополнением к мировой литературе, понимаемой как эксперимент по национальному подчинению» [20. Р. 353], который презентуется в качестве мирового наследия и достояния. Теория перевода и концепция непереводаемости могли бы послужить вызовом глобализации знания по «мировой литературе».

Продолжая антипереводную риторику, Спивак предлагает более радикальную оптику. Исследовательница констатирует глубокий кризис старой дисциплины сравнительного исследования литератур. Новая компаративистика должна основываться на концепции «планетарности» [21. Р. 71–102] как альтернативе прежнему «миру» с его глобальными тенденциями и иерархией, и стать наукой о литературах всех наций, которая учитывала бы языковое и культурное разнообразие. Спивак призывает исследователей представить себя планетарными субъектами, а не глобальными агентами. Понятие «мира», по убеждению Аптер, в области «мировой литературы» отражает либеральную этику инклюзивности, которая на деле сохраняет политические и лингвистические ограничения.

Исходя из критического взгляда на современное состояние дисциплины, большинство исследователей вынуждены констатировать, что настоящие практики и подходы к «мировой литературе» не достигли того, возможно, утопичного идеала космополитического проекта по развитию международного общения в рамках гуманитарного поля в эпоху глобализации. Критика современного поля «мировой литературы» и компаративистики не предлагает единственно верного пути развития дисциплины. Как Аптер, так и Спивак волнует, возможно ли построение такой области изучения литератур мира, которая бы признавала множественность национальных литератур и

включала бы их таким образом, чтобы региональные особенности не были стерты, а возникающие идентичности не присваивались глобальным единообразием. Поэтому перевод и культурная политика передачи и приема текстов – проблемы первостепенной важности в рамках переосмысления идеи «мировой литературы».

Несмотря на нерешенность принципиальных вопросов, касающихся самого понятия и его определения, проблем концептуального характера, состоящих в дилемме, считать ли «мировую литературу» объектом исследования или же рассматривать ее как научную проблему, видеть ли в идее утопию, нереализуемую в условиях современной иерархии, или же предпринимать попытки выработать метод, который бы содействовал развитию космополитической перспективы в сравнительном изучении литератур, именно «мировая литература» за последние годы стала и остается парадигмой, находящейся в центре современной, по преимуществу западной теории литературы.

Литература

1. Казанова П. Мировая республика литературы. М. : Изд-во имени Сабашниковых, 2003. 416 с.
2. Моретти Ф. Дальнее чтение. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. 352 с.
3. World Literature in Theory. Oxford : Wiley-Blackwell, 2014. 536 p.
4. Pizer J. The Idea of World Literature: History and Pedagogical Practice. Baton Rouge : Louisiana State UP, 2006. 190 p.
5. Тиханов Г. Космополитизм в дискурсивном ландшафте модерности: два контекста выражения в эпоху Просвещения // Новое литературное обозрение. 2011. № 4. С. 135–155.
6. Эккерман И. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М. : Художественная литература, 1986. 670 с.
7. Pizer J. Wolfgang von Goethe: Origins and Relevance of Weltliteratur // The Routledge Companion to World Literature. London ; New York : Routledge, 2012. P. 1–9.
8. История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М. : Изд-во ФАИР, 2008. 544 с.
9. Goethe J.W. On World Literature (1827) // World literature: a reader. London ; New York, 2013. P. 9–15.
10. Prendergast C. Introduction // Debating World Literature. London ; New York : Verso, 2004. P. I–XIII.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955.
12. Aijaz A. The Communist Manifesto and “World Literature” // *Social Scientist*. 2000. Vol. 28, № 7/8. P. 3–30.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 41. 689 с.
14. Начинаем обсуждение тематических планов издательств на 1934 // Литературная газета. 1933. № 59. С. 2.
15. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М. : ГИХЛ, 1934. 718 с.
16. Dobrenko E., Reitblat A. The Readers’ Milieu, 1917–1920s // *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*. Milan : Ledizioni, 2019. P. 15–42.
17. Damrosch D. What is World Literature? Princeton : Princeton University Press, 2003. 324 p.
18. The Longman Anthology of World Literature / ed. by D. Damrosch. New York : Pearson/Longman, 2009.
19. Маяцкий М. Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философии: лексикон непереводимостей» / под ред. Б. Кассен (2004) // *Логос*. 2011. № 5–6. С. 13–21.
20. Apter E. Against World Literature // *World Literature in theory*. Chichester, West Sussex ; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2014. P. 345–363.
21. Gayatri S. Death of a Discipline. New York : Columbia University Press, 2003. 136 p.

“World Literature” and Communication: Literary Connections, Reading Practices

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 16, pp. 7–28. DOI: 10.17223/24099554/16/1

Anna V. Bogomolova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: bogomolovaannav@gmail.com

Keywords: idea of “world literature”, comparative studies, literary communication, cultural expansion, Soviet project of “world literature”, cultural globalization.

The article focuses on the communicative aspect of “world literature”. Covering the history of the idea from Goethe’s concept to the modern criticism of “world literature”, the author analyses four episodes which are significant in terms of changes in the communicative environment. Initially, the idea shaped within the emerging bourgeois culture and transition from intensive to extensive type of secular reading and developing book industry in Europe. According to Goethe, the establishment of a close relationship between nations and eras through literature, the cosmopolitan community of writers and their close creative communication were a source of internationalization and unity of literature. The ideas of capitalist cultural expansion were introduced by Karl Marx and Friedrich Engels within the theory of materialism. Litera-

ture was thought of as spiritual production, which was the object of capitalist relations and depended on the economic system. Marx associated the creation of “world literature” with the influence of the global market, rather than with the voluntary activities of the enlightened bourgeoisie and aristocracy (implied by Goethe). The communicative aspect of “world literature” was not considered a positive phenomenon and a factor in the overall cultural development. The Soviet project of “world literature” supported literary communication. The project to create the Soviet canon of “world literature” combined Goethe’s thesis about the need to look back at the literary past and present of other nations with political tasks and propaganda of the Marxist views. Literature *per se* had a utilitarian function and was seen as an instrument of primarily ideological struggle. Modern Western theories and practices of “world literature” seek to destroy the old canon dominated by English and West European literature to implement a project of “world literature” aimed at the inclusion of literatures of smaller European, Oriental, and Asian countries. In the vein of pragmatism of American comparativists, translation is an intermediary for a more balanced canon, which inevitably increases dependence on the English language. Critics of globalization viewed “world literature” publishing projects as a commodification of literature through a convenient and easily digestible canon. Proceeding from a critical view of the current state of discipline, most researchers have to acknowledge that real practices and approaches to “world literature” have not reached Goethean utopian ideal of cosmopolitan project for the development of international communication within the humanitarian field in the era of globalization. Scholars are primarily concerned about whether it is possible to build an area of study of world literatures that would recognize the plurality of national literatures and include them without eliminating regional features, so that emerging identities would not be appropriated by global uniformity. Therefore, the translation and cultural policy of transmitting and receiving texts are the most important issues in the framework of rethinking the idea of “world literature”.

References

1. Casanova, P. (2003) *Mirovaya respublika literatury* [The World Republic of Letters]. Translated from French. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh.
2. Moretti, F. (2016) *Dal'nee chtenie* [Distant Reading]. Translated from English by A. Vdovin, O. Sobchuk, A. Shel. Moscow: The Gaidar Institute.
3. Damrosch, D. (ed.) (2014) *World Literature in Theory*. Oxford: Wiley-Blackwell.
4. Pizer, J. (2006) *The Idea of World Literature: History and Pedagogical Practice*. Baton Rouge: Louisiana State UP.
5. Tikhonov, G. (2011) Kosmopolitizm v diskursivnom landshafte modernosti: dva konteksta vyrazheniya v epokhu Prosveshcheniya [Cosmopolitanism in the discursive landscape of modernity: two contexts of expression in the Age of Enlightenment]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4. pp. 135–155.

6. Ecferman, I.P. (1986) *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Translated from English by N. Man. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Pizer, J. (2012) Wolfgang von Goethe: Origins and Relevance of Weltliteratur. In: D'haen, T., Damrosch, D. & Kadir, D. (eds) *The Routledge Companion to World Literature*. London; New York: Routledge. pp. 1–9.
8. Cavallo, G. & Chartier, R. (eds) (2008) *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [The History of Reading in the Western World from Antiquity to the Present Day]. Translated by M.A. Runova. Moscow: FAIR.
9. Goethe, J.W. (2013) On World Literature (1827). In: D'haen, T., Domínguez, C. & Rosendahl Thomsen, M. (eds) *World Literature: A Reader*. London; New York: Routledge. pp. 9–15.
10. Prendergast, C. (2004) Introduction. In: Prendergast, C. (ed.) *Debating World Literature*. London; New York: Verso. pp. I–XIII.
11. Marx K. & Engels, F. (1955) *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. Translated from German. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
12. Aijaz, A. (2000) The Communist Manifesto and “World Literature”. *Social Scientist*. 28(7/8). pp. 3–30.
13. Lenin, V.I. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 41. Moscow: Politizdat.
14. *Literaturnaya gazeta*. (1933) Nachinaem obsuzhdenie tematicheskikh planov izdatel'stv na 1934 [Beginning a discussion of the thematic plans of publishing houses for 1934]. 59. p. 2.
15. USSR. (1934) *Pervyy Vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley. Stenograficheskii otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim records]. Moscow: GIKhL.
16. Dobrenko, E. & Reitlat, A. (2019) The Readers' Milieu, 1917–1920s. In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*. Milan: Ledizioni. pp. 15–42.
17. Damrosch, D. (2003) *What is World Literature?* Princeton: Princeton University Press.
18. Damrosch, D. (ed.) (2009) *The Longman Anthology of World Literature*. New York: Pearson/Longman.
19. Mayatsky, M. (2011) Neperevodimosti real'nye i voobrazhaemye. Listaya “Evro-peyskiy slovar' filosofiy: leksikon neperevodimostey” pod red. B. Kassen (2004) [Real and imaginary untranslatables. Leafing through the “European Dictionary of Philosophy: A Lexicon of Untranslatables” ed. by B. Kassen (2004)]. *Logos*. 5–6. pp. 13–21.
20. Apter, E. (2014) Against World Literature. In: Damrosch, D. (ed.) (2014) *World Literature in Theory*. Oxford: Wiley-Blackwell. pp. 345–363.
21. Spivak, G. (2003) *Death of a Discipline*. New York: Columbia University Press.